

Rhodes R. A. The New Governance : Governing without Government // Political Studies. 1996. Vol. 44. № 4 и др.

⁹ См.: Бадковский Д. Передача власти: Политика.ру. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/04/06/230488>. - 2010-12-26. - 2010 (дата обращения: 20.11.2011).

¹⁰ См.: Гордон Е. Главный миф о российском Интернете. URL: [http://www.mk.ru/politics/article/2011/01/12/557467-](http://www.mk.ru/politics/article/2011/01/12/557467-svobodyinet.html)

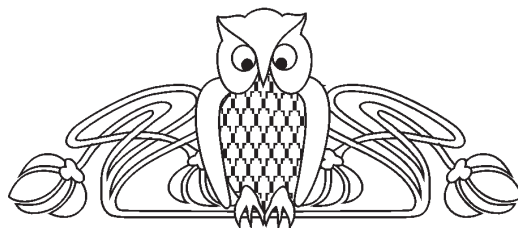
[svobodyinet.html](http://www.mk.ru/politics/article/2011/01/12/557467-svobodyinet.html) (дата обращения: 20.11.2011) ; Павловский Г. Интернет вредит свободе. URL: <http://www.russia.ru/video/pavlovskiyinternet/> (дата обращения: 20.11.2011); Галкин А. А. Что нас ждет: расцвет электронной демократии или всплеск электронного тоталитаризма? // Проблемы становления гражданского общества в России. М., 2003. С. 115–116 и др.

УДК 329.05(470-671)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д. Г. Третьяков

Саратовский государственный университет
E-mail: tret4ever@mail.ru

В статье рассмотрены особенности электоральной функциональности политических партий России на различных этапах партгогенеза в постсоветской России. Автор выделил и обобщил взаимосвязь различных функций политических партий, выявил основные факторы доминирования электоральной функции, обосновал особую роль идеологической составляющей их деятельности.

Ключевые слова: политические партии, электоральная функциональность партий, политические технологии, идеология.

Main Tendencies of Parties' Electoral Functionality in Modern Russia

D. G. Tretyakov

Peculiarities of the Russian postsoviet political parties' electoral functionality within different stages of their development are considered in this article. The author pinpointed and generalized connection between different political parties' functions, worked out main features of electoral function's dominance and proved the specific role of ideological side of parties' activity.

Key words: political parties, electoral functionality of the parties, political technologies, ideology.

Принятие закона о политических партиях и эволюция электорального законодательства в России в 2000-е гг. существенно повлияли на российскую политическую систему и функциональность ее основных субъектов. В первую очередь это коснулось политических партий. Само становление российской многопартийности было специфичным, что не могло не сказаться на функциональности политических партий. Огромное количество общественно-политических организаций, в той или иной степени претендующих на то, чтобы считаться политическими партиями, на самом деле в большинстве своем было протопартиями с ограниченным набором политических функций, которые существенно отличались от классических.

Суть классической функциональности партий хорошо представил известный российский партиолог А. Н. Кулик. По его мнению, там, где становится возможным выбирать управляющих, возникают политические партии, которые номинируют кандидатов на выборные должности, мобилизуют электорат в их поддержку и организуют избирательные кампании. Партии должны были становиться основным институтом политического участия граждан, который, создав механизмы согласования разнородных социальных интересов, снял бы противостояние между гражданским обществом и государством, легитимировал власть и обеспечил ее ротацию¹. Однако реальная политическая практика 1990-х гг. показала, что значительная часть данных функций реализовывалась формально. Обусловлено это было не только молодостью многопартийной системы и отсутствием должных традиций, но и несовершенством законодательства, регулирующего избирательные процессы и деятельность общественно-политических организаций.

Условно можно выделить несколько этапов эволюции политической и электоральной функциональности политических партий в постсоветское время. Первый охватывает период становления с конца 1980-х гг. и по 1995 г. Важнейшими функциями партий и общественно-политических организаций, участвующих в политической жизни, в это время были самоорганизация и взаимоотстройка друг от друга. В данный период естественно-стихийного партгогенеза в постсоветской России уже началось применение административного ресурса для целенаправленного использования партий в интересах властных структур. Однако партийное конструирование не было властной привилегией и часто приобретало хаотический характер, когда любой известный (и не очень известный) политик предпочитал создать свою

«карманную» партию для того, чтобы использовать ее ресурсы для своей победы на выборах по одномандатному округу в Государственную думу (или на выборах в региональное законодательное собрание).

Характерной чертой данного периода был очень высокий уровень конкуренции, обусловленный огромным количеством формирующихся партий. Лидерские амбиции политиков разного идейно-мировоззренческого спектра институционализировались в самые разные партии². Их создание не было ограничено сколько-нибудь серьезными формальными требованиями и особенно никем не контролировалось. Считалось, что порядок в их структурировании будет наведен естественным образом в результате отсеивания в ходе участия в выборах разного уровня и масштаба. Партийный плюрализм оценивался как важнейшее достижение и самодостаточный результат демократических постсоветских преобразований.

По мнению К. В. Киселева, «в период становления российской партийной системы идеологическое позиционирование было необходимым элементом любой политической конструкции. И это принципиальная особенность этого этапа конструирования партийной системы. Другое дело, что различия между партиями одного идеологического направления были часто неразличимыми»³. На наш взгляд, идеологическая функция действительно занимала особое место в деятельности большинства партий, так как служила главным средством позиционирования в очень пестром партийно-политическом спектре. Однако ее вряд ли можно оценить как самодостаточную в связи с тем, что она была подчинена личностному позиционированию политиков, добивающихся максимальной известности и узнаваемости. В ряду данных задач идеологическая функция выполняла инструментальную роль, определяя своеобразную политико-пространственную систему координат, в рамках которой раскрывались лидерские имиджевые характеристики политиков.

Следовательно, причины обязательного идеологического позиционирования были обусловлены прежде всего соображениями технологического, проектного характера. Дело в том, что избиратели в этот период были исключительно политизированы, а потому «конструируемые партии с неизбежностью должны были отвечать на предъявляемые им идеологические вопросы. Партия и движению необходимо было определиться по отношению к начавшимся реформам, которые коренным образом изменили жизнь в стране, затронув всех и каждого»⁴. Полярными точками отсчета в позиционировании всех политических партий и общественно-политических организаций было отношение к коммунизму и либерализму. Такое фрагментированное и очень пестрое позиционирование по шкале «коммунизм – либерализм» сохраняло свою актуальность до

выборов Президента Российской Федерации в 1996 г., которые Б. Н. Ельцин проводил под лозунгами недопущения реставрации коммунизма.

По оценкам большинства исследователей, радикальное позиционирование и либеральная идентификация в рамках партийно-политического спектра не принесли в первой половине 1990-х гг. значительных успехов исполнительной власти⁵. «Фрагментированность либерального сектора, связанная с политическими амбициями отдельных политических деятелей, комплексом внутренних противоречий по вопросам экономического и политического развития и низким уровнем партийной дисциплины, серьезно ограничила электоральные возможности и мобилизационный потенциал проправительственных структур»⁶.

Формально борьба за власть между партиями осуществлялась с помощью воздействия на общественное мнение на основе публичной апелляции к традициям, идеалам и ценностям различных социальных групп российского общества. Именно поэтому западные исследователи и российские либералы до сих пор оценивают данный период как этап расцвета свободы слова и реальной многопартийности. Формально в это время партии выполняли весь классический набор функций: артикулирование и оформление социально-политических программ, ориентированных на интересы конкретных социальных групп; формирование установок и массовых настроений; функцию политической социализации, политического образования и воспитания; функцию рекрутирования и мобилизации и др.

Реально главная функция политических партий в данный период состояла в том, что они выступали средством борьбы за обладание властным ресурсом в центре и на местах. Этот ресурс был необходим отдельным соперничающим группам, ведущим ожесточенную борьбу за приватизацию бывшей общенародной собственности. Желая получить власть и влияние в местных и федеральных органах, эти группы делали ставку на ту или иную политическую партию, с помощью которой они стремились провести своих представителей в выборные органы.

На втором этапе (1995–2001 гг.) главной задачей для президентской администрации стало сдерживание массовых оппозиционных настроений, вызванных недовольством людей результатами проводимых радикальных социально-экономических преобразований. Одним из механизмов стала целенаправленная «канализация» оппозиционного ресурса общества в русло поддержки специально сконструированных политических партий. Данный этап использования партийных механизмов для легитимации и идеологической поддержки правящего курса характеризуется активной деятельностью президентской администрации по формированию и реализации собственных партийных проектов. Соответственно, существенно меняется и функциональность таких

партий, обусловленная теми задачами, которые изначально перед ними ставили политтехнологи.

Главной целью такого проектируемого партстроительства было создание устойчивой политической системы на базе создания доминирующей партии власти и управляемой левой и правой партийной оппозиции. В рамках этого проекта, помимо доминирующей партии, предполагалось и наличие партий «союзников», обеспечивающих солидарное голосование в легислатуре, но при этом ориентированных на голоса оппозиционных власти избирателей. Такими партиями, по мнению К. В. Киселева, можно считать ЛДПР, аккумулирующую протестные голоса, СПС (затем «Правое дело»), ориентированные на работу с молодежью, интеллигенцией и бизнесом, и др.; технологические партии, используемые для недопущения в легислатуру «нелояльной» оппозиции путем «растяжки» голосов и иными технологическими приемами; партии для сбора голосов по различным сегментам (Аграрная партия России, РЭП «Зеленые», Народная партия РФ, «Народная воля» и др.); партия контролируемой оппозиции (КПРФ)⁷.

Такие технологии партийной инженерии обусловили иной формат позиционирования в рамках партийно-политического спектра и существенно уменьшили роль идеологической функции. За основу была взята центристская политическая ориентация, на базе которой на выборах в Государственную думу 1995 г. сформировались правоцентристский избирательный блок «Наш дом – Россия» и левоцентристский блок Ивана Рыбкина. На выборах в Государственную думу 1999 г. роль «правого центра» политтехнологи отвели движению «Единство», а «левого центра» – объединению «Отечество – Вся Россия».

Доминирование позиций «центризма» привело к микшированию идеологических оснований партийных программ и к усилению технологической составляющей в борьбе за голоса избирателей. Информационно-коммуникационные и имиджевые технологии (в том числе и пресловутые «грязные» технологии) становятся доминирующими, существенно уменьшив и без того не очень значимую роль функций политического представительства интересов различных социальных групп, политической социализации, воспитания, предоставления возможностей для политического участия граждан и др. Соответственно, отсутствовала и последовательная реализация внутрипартийных функций, нацеленные на расширение партийных рядов, формирование разветвленной сети региональных партийных организаций⁸, проведение партийных политических кампаний в периоды между выборами, осуществление работы с гражданами на местах и т. д.

Третий этап начался с принятия Закона о политических партиях в 2001 г. и продолжается по настоящее время. С одной стороны, законом было

дано функциональное определение политической партии – это «общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления»⁹. Более того, все содержание закона подчинено такому функциональному пониманию места и роли партий в политической жизни современной России и нацелено на обязательное для партий следование данной трактовке. С другой стороны, существенное изменение партийной и политической системы в целом в этот период вызывает неоднозначные, в том числе и крайне негативные оценки¹⁰.

В контексте нашего исследования важно выделить следующие результаты преобразований, которые существенно повлияли на эволюцию функциональности политических партий. Одним из обязательных требований к политической партии закон определил ее численность (не менее 50 тыс. членов партии до 2010 г.) и обязательное наличие достаточно крупных региональных отделений не менее чем в половине субъектов Российской Федерации. Выполнение этого условия кардинально изменило отношение к внутрипартийным функциям.

Каждая партия должна была заняться вплотную вопросами регионального партийного строительства и привлечением большого количества рядовых членов, разделяющих ее программу и согласных жертвовать своим временем на проведение различных партийных мероприятий¹¹. Данное требование (в сочетании с необходимостью преодоления 7%-ного барьера на выборах в Государственную думу) привело к радикальной «кристаллизации» партийной системы в России и сведению к минимуму зарегистрированных партий. Резкое уменьшение количества партий и отмена мажоритарной составляющей и одномандатных округов на выборах в Государственную думу изменили возможности бизнес-элиты в политическом продвижении и защите своих интересов. Партии-фавориты стали главными инструментами в решении данных задач как на федеральном, так и на региональном уровне.

В результате начался определенный процесс консолидации правящего слоя на основе презентации его социально-экономических интересов ведущими политическими партиями. По мнению А. А. Ануфриевой, в качестве базовых трендов этого периода можно выделить «последовательную тенденцию снижения уровня идеологического обеспечения деятельности “партий власти”, устойчивый рост их мобилизационных возможностей и отказ от радикализма в партийно-политическом позиционировании. При этом высокие показатели электоральной поддержки

«партии власти» напрямую являлись следствием технического формата позиционирования в партийно-политическом спектре и низкого уровня идеологического обеспечения партийного строительства»¹².

Такая оценка не является единичной. Например, К. В. Киселев утверждает, что «динамика развития партийной системы России в парадигме «идеологичность – проектность» смещалась от использования идеологии в конструировании партий в направлении создания безыдеологичных проектов. И тем не менее, до сих пор большинство политиков уверены, что идеология – неотъемлемый элемент партийного «образования», атрибут, без которого создание партии невозможно, хотя история партийной системы России доказывает обратное»¹³. На наш взгляд, с этим утверждением трудно согласиться. Как свидетельствует история, идеология большевистской партии стала весьма успешной основой для массовой мобилизации на свою сторону представителей самых разных слоев города и деревни России и масштабных и впечатляющих преобразований социалистического периода.

По мнению К. В. Киселева, любая попытка совмещения партийного проекта и идеологии «неизбежно приводит либо к краху идеологии, либо к разрушению проекта как такового. При этом «разрушение проекта» может проходить путем выхода его из-под контроля «конструкторов». И в этом практическая сложность «наделения» партий идеологиями. Идеологический каркас делает партийное образование «жестким», неповоротливым, лишает мобильности. В конкурентной ситуации идеократические партии имеют больше минусов, чем плюсов. Например, тяготеющее к типу идеократических партий «Яблоко» на выборах в региональные legislatures 11 марта 2007 г. ничего не могло противопоставить вполне проектной тактике СПС, который отказался от жесткого идеологического каркаса в пользу технологических изысков»¹⁴.

Как представляется, апелляция к успешности деидеологизированных партийных проектов в постсоветской России не совсем обоснованна, так как учитывает их эффективность как самостоятельный технологический результат (определенные итоги на выборах) без оценки их влияния на политическую систему в целом. Поэтому признание технологической успешности конструирования политических партий в 2000-е гг. вряд ли может быть распространено на стратегические оценки политической ситуации в целом. Кто сегодня осмелится утверждать, что существующая политическая система России характеризуется институциональной стабильностью и наличием прочной и осознанной поддержки большинства населения? Массовые протесты против результатов выборов в Государственную думу в декабре 2011 г. еще раз показали наличие серьезных проблем в нашем общественном устройстве.

Процессы ослабления идеологического фактора партийной деятельности на Западе не могут для нас быть аргументом, так как происходят в условиях достаточно гомогенной и устойчивой политической культуры и наличия общественного консенсуса по важнейшим социальным ценностям. В России такого консенсуса в наличии нет. Как видится, его формирование и невозможно без выполнения партиями своих идеологических функций.

Неслучайно именно в этот период доминирующая партия «Единая Россия» инициировала публичное обсуждение своего идеологического проекта «суверенной демократии», который вызвал самый широкий общественный резонанс. Несмотря на то что официально он не был принят, сама процедура обсуждения, разнообразная аргументация «за» и «против» представителей различных политических сил, широко тиражируемая российскими СМИ, уже представляют собой значительную активизацию этой важнейшей идеологической функции в современной России.

Превращение ведущих российских партий в массовые организации определенным образом изменило и их электоральную функциональность. Наличие региональных партийных отделений дает возможность не ограничиваться рекламнопропагандистскими информационно-коммуникационными технологиями в СМИ, но использовать формы непосредственного воздействия на избирателей в ходе избирательных кампаний. Думается, именно в этом заключается главный положительный результат проведенных преобразований. Партии постепенно становятся частью российского общества, связанной с ним тысячами своих членов и непосредственной агитационно-пропагандистской работой с населением. Эффективными политическими субъектами они могут стать в результате повышения уровня доверия со стороны населения ко всем другим институтам и механизмам политической системы, и прежде всего к институту выборов.

Если резюмировать основные направления эволюции политической и электоральной функциональности партий в постсоветской России, то концентрированно их можно представить следующим образом (таблица).

В целом можно констатировать, что основные тенденции эволюции электоральной функциональности политических партий в постсоветской России проявляются в постепенном переходе от использования партий как фантомных организаций для достижения конкретных текущих целей на выборах в крупные и стабильные политические институты, ориентированные на стратегические направления общественного развития. Происходит смена приоритетов с сиюминутных электоральных целей и задач в период ограниченной по времени избирательной кампании на постоянную и последовательную работу с населением для завоевания доверия и привлечения на свою сторону.

Функциональность политических партий в постсоветской России

Ключевые характеристики партийного функционирования	Период		
	1990–1995 гг.	1995–2001 гг.	2001–2012 гг.
Уровень конкурентности	Высокий. Отсутствие доминирующей партии	Средний. Первые попытки конструирования «управляемой» многопартийной системы	Низкий. Формирование партийной системы на основе доминирующей роли «партии власти»
Доминирующие характеристики организационной структуры большинства партий	Протопартийная аморфность	Организационное оформление электоральных партий	Организационное оформление массовых общероссийских партий
Доминирующие функциональные характеристики партий	Продвижение и конкуренция интересов формирующейся бизнес-элиты	Конкурентное представительство интересов ведущих групп бизнес-элиты	Обеспечение доминирующих позиций ведущих групп бизнес-элиты
Роль идеологического позиционирования	Высокая	Средняя	Низкая
Доминирующие ресурсы электоральной мобилизации	Информационно-коммуникационные технологии; популизм	Информационно-коммуникационные технологии; административный ресурс	Информационно-коммуникационные технологии; административный ресурс; партийно-организационный ресурс

Тем самым объективно ограничивается манипуляционная составляющая предвыборных партийных избирательных технологий. Проблем, связанных прежде всего с повсеместным использованием административного ресурса партией власти, остается достаточно много, но шансы на их ограничение и решение с помощью имеющейся нормативно-правовой и институциональной базы в результате повышения активности гражданского общества в современной России достаточно велики.

Примечания

¹ См.: Кулик А. Н. Российская многопартийность сквозь призму политической конкуренции // Мелешикина Е. Ю., Михалева Г. М. Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. М., 2009.
² См.: Вилков А. А. Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. научно-практ. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / редкол.: И. С. Семененко (отв. ред.), Л. А. Фадеева (отв. ред.) [и др.]. М., 2011. С. 157–162.
³ Киселев К. В. Партийное проектирование в современной России : роль идеологии. URL: <http://www.echoekb.ru/blogs/2011/3/4/1/1627/495/> (дата обращения: 22.03.11).
⁴ Там же.

⁵ См.: Гельман В. Я. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы) // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 46–58.
⁶ Ануфриева А. А. Специфика партийного механизма идеологической и мобилизационной поддержки властного курса России // Власть. 2010. № 12. С. 33.
⁷ См.: Киселев К. В. Указ. соч.
⁸ Исключением стала КППРФ, у которой была разветвленная сеть первичных организаций, доставшихся по наследству от КПСС.
⁹ «О политических партиях» : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ. Ст. 3. Понятие политической партии и ее структура // Рос. газ. 2001. 11 июля.
¹⁰ См.: Коргунок Ю. Г. Система с доминирующей партией и режим политической конкуренции // Мелешикина Е. Ю., Михалева Г. М. Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства ; Мелешикина Е. Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука. 2006. № 1. С. 135–161.
¹¹ Например, партия «Единая Россия» к ноябрю 2004 г. насчитывала свыше 800 000 членов, а в 2010 г. уже 2 055 602, среди которых почти 2 000 являлись депутатами всех уровней // Партия «Единая Россия» : [сайт]. URL: <http://www.edinros.ru/news> (дата обращения: 30.10.2011).
¹² Ануфриева А. А. Указ. соч. С. 35.
¹³ Киселев К. В. Указ. соч.
¹⁴ Там же.